

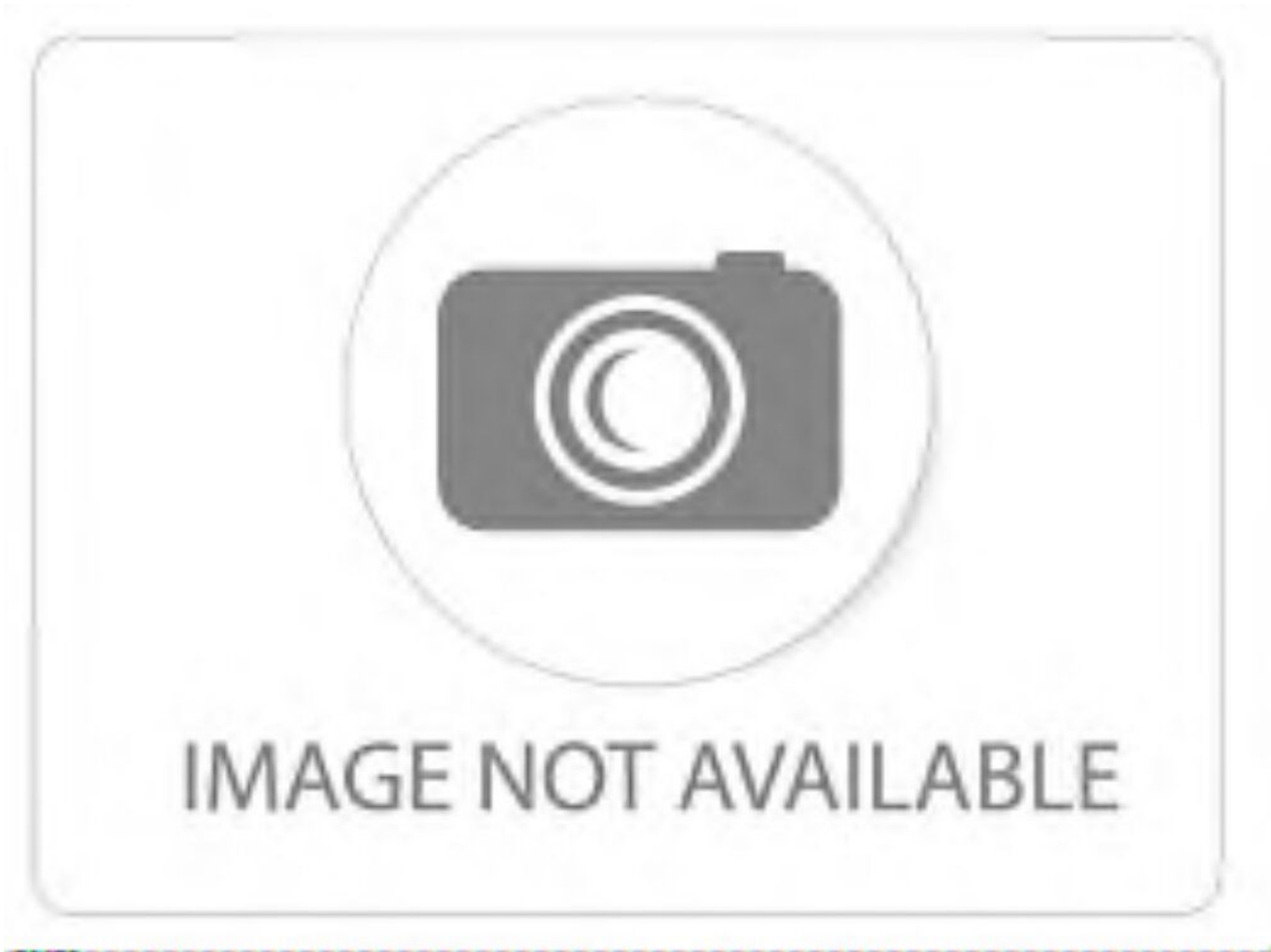
Basya Libova. Full, unedited interview, 2009

ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE	VIDEO	ORIGINAL LANGUAGE	RUSSIAN
-----------	-------	-------------------	---------

TABLE OF CONTENTS **ITEM TRANSCRIPT**

ORIGINAL TRANSLATION	2
ENGLISH TRANSLATION	16
CITATION & RIGHTS	29

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT ORIGINAL TRANSLATION

—Сегодня 19 мая 2009 года. Мы находимся в Киеве, на встрече с ветераном Великой Отечественной войны. Пожалуйста, представьтесь, расскажите о довоенной жизни.

Я родилась в городе Житомире в 1925 году. Мать домохозяйка, а отец сапожник. Детство и юность прошли у меня в очень тяжелых условиях. Мы жили в маленьком еврейском местечке Кодня, это Житомирская область. Отец занимался предпринимательством. Они шили обувь, одежду. Он сам сапожник был по специальности. У них артель такая была. Он был председателем этой артели. Я родилась в 25-ом году, и тогда еще разрешалось заниматься предпринимательством. А потом запретили, и отец остался без работы. Нас было четверо детей. Было очень тяжело жить. Мы так голодали . . . Я помню, я еще была ребенком, мне наверно пяти лет не было, когда я страшно была голодная, но я не плакала, не просила хлеба, а просто плакала. Мама успокаивала, что папа придет и принесет хлеб. Я говорю: мама, если папа принесет хлеб, разбуди меня. Когда она меня укладывала спать, я говорила: если папа принесет хлеб, разбуди меня. И конечно, папа хлеб не принес, так я спала до утра и утром то же самое . . . И опять этот голод ужасный.

У мамы брат жил в Гомеле в Белоруссии. Мама сама родилась в Литве, отец с Украины, служил в Российской армии в Литве. Там он встретился с мамой. Ей было 20 лет, когда она вышла замуж. Там, пока он служил, было уже трое детей. Брат и две сестры родились в Литве, а я родилась в Житомире. У мамы было 7 братьев, она одна девочка была. Братья рзъехали из Литвы, тоже тогда, видимо, время тяжелое было. Многие уехали за границу. Брат ее оказался в Литве, он сапожничал. И он приехал в то тяжелое время, когда мы сильно голодали. Он приехал в Кодню и сказал: зачем вы сидите в этой дыре. Он там пользовался каким-то положением. Хоть он и был сапожник, но умный очень, очень хороший человек. Предпринимательством тоже занимался. Он сказал: я помогу вам выехать в Гомель. Сначала он забрал отца, устроил его на работу на завод в Гомеле.

Вообще в Белоруссии такого голода не было, как на Украине. Потом приехал и забрал всю нашу семью. Мы приехали. Вначале было нам хорошо. Дядя нам нашел квартиру недалеко от его дома. Там в полуподвале, конечно, было, но и этому были рады. Потом он устроил папу на работу, он получал пайки хорошие, и мы перестали голодать и зажили по-человечески. Мне было лет 6 уже, это был 31-ый год. Тридцатые годы были очень голодные. Подготовительная группа была в школе, я пошла в школу и начала учиться успешно.

В один прекрасный день—даже года мы там не прожили—ночью пришли к нам домой, арестовали отца, и, я помню, утром . . . я же ребенком была, ночью не слышала. Они даже рылись в книгах, в учебниках детей . . .

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—За что они его арестовали?

Вот я вам сейчас расскажу. Держали его сутки и сказали в течение 24-х часов вернуться обратно туда, откуда приехали. Был приказ Сталина вернуть всех обратно, кто откуда приехал, в особенности крестьян. А Кодня была еврейский городок, но рядом были колхозы. Особенно крестьянам не разрешали никуда уезжать: приказ Сталина всех вернуть обратно, откуда уехал. И дядя нам—это ужасно было, я-то не понимала, мне было лет 6. Дядя нам собрал какую-то корзинку небольшую с продуктами и отправил нас обратно. В поезде по дороге у нас эту корзину украли с продуктами. Мы приехали в Житомир. Мороз, холод. У отца сестра жила в Житомире. У них тоже четверо детей, семья большая. Мы ночью приехали к его сестре. Они страшно голодали. Они ели картофельные очистки с рыбьим жиром. То, что они ели, то они нам . . . мы несколько дней у них пожили, а потом отец нашел какую-то развалюху где-то на окраине города, без окон, без дверей. Кое-как застеклил, какую-то дверь нашел. Холодно было, морозы сильные были. Мы переехали в эту развалюху.

Отец пошел искать работу. Какие-то нам дали продовольственные карточки, мама уходила в магазин. Очереди большие были за хлебом, за продуктами. Я помню, с улицы большой камень был . . . Я, бывало, сижу целый день на этом камне и высматриваю, выглядываю, мама когда придет и принесет хлеб. Прошло несколько дней, отец пошел искать работу . . . и так он не вернулся. Люди умирали, падали, как мухи. Умирали от голода, опухшие. Людей подбирали на телегах и закапывали в общие ямы. Выкапывали ямы, сбрасывали в ямы эти трупы. И мы так предполагаем, что наверно наш отец тоже голодный был очень. И так мы отца не нашли. И мы остались. Топить нечем было, кушать нечего было. Что делать?

Старший брат пошел сам, попросил, чтобы его забрали в детдом. Остались три девочки. Сестру мама как-то пристроила к каким-то людям—маленький ребенок, чтобы она помогала нянчить ребенка. А меня она отвела в школу. С восьми лет тогда брали в школу. Мне около семи лет было. Она попросила учительницу. Учительница говорит, если она хоть умеет читать, так я ее оставляю в классе. Она дала мне почитать. Читать я научилась рано. Почитала книжку, и она видит, что я старательная девочка, научилась читать, и она меня оставила в классе. Я стала ходить в школу. Ну, что . . . я голодная, завшивленная, опухшая от голода . . . Учительница взяла и отвела меня в детский дом. Потом вторая сестра тоже, я даже не помню подробности . . . вторая сестра попала в детдом. А потом старшая сестра, которую мама устроила нянчить ребенка, тоже попала в этот детдом. Мы все—четверо детей—были в Житомире в детском доме. Там тоже было очень голодно. У меня бывали голодные обмороки в этом детдоме.

Я была во втором или третьем классе, я уже не помню, мы считались старшей группой. А до нас еще были в этом детдоме дети из первого класса, со второго класса. Так нас подымали раньше, а младших детей позже. На завтрак мы не видели ни мяса, ни молока, ни творога. На завтрак: вермишелевый суп, запавленный луком. Я не могла этот суп кушать и ходила в школу голодная. И

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

с собой нам тоже ничего не давали. А потом возвращались из школы, опять-таки—младшие пошли раньше обедать, а мы позже завтракали и раньше обедали. В 4-5 часов нам давали обед. Конечно, до обеда у меня бывали голодные обмороки. У нас медпункт был, и сестра какие-то капли давала. Такое у меня детство было.

Я училась. Там была еврейская школа в городе недалеко от нашего детдома. У нас был еврейский коллектив. В детдоме был русский, украинский, и польский коллектив. Каждый имел свою учительницу, воспитательницу, а ходили мы в городскую школу. 7 классов я закончила еврейской школы . . . не 7—6 классов. А потом в первых классах уже еврейских детей не было, потому что экзамены в высшие и средние учебные заведения надо было на русском языке, и родители не хотели отдавать детей в еврейскую школу. Так нас хотели перевести в седьмой класс еврейской—там где-то далеко было. А нас несколько детей таких осталось. Кто хуже учился, их раньше выводили из детского дома, устраивали работать на фабриках.

Я училась хорошо, дали возможность закончить 7 классов. Договорились несколько человек и подошли к завучу: зачем вы нас будете переводить в еврейскую школу на окраине города; мы будем заканчивать седьмой класс на русском языке. Всё равно, экзамены надо сдавать в техникум на русском языке. И нас оставили в седьмом классе. Я хорошо закончила 7 классов, и еще две девочки со мной. Мы поступили в медицинский техникум. Это был уже сороковой год. Дали нам общежитие. Во дворе этого общежития была столовая по доступным ценам для студентов. Мы обрадовались, что наконец-то мы имеем возможность как-то просуществовать. Недолго мы радовались, недолго, как говорится, музыка играла. Через несколько месяцев пришел приказ Сталина стипендии отменить. Мы же жили на стипендию. Что нам было делать? Мы пошли в Районо, три девочки нас было. Пошли в Районо и сказали, что мы из детского дома, как нам быть, стипендию отменили. Там как раз оказались хорошие люди, мы попали к хорошим людям, и нам написали бумажку, чтобы нас обратно приняли в детский дом. Приняли, мы побежали учиться, но опять через два или три месяца вышел приказ Сталина, что отличники учебы могут получать стипендию. Вообще-то копейки была эта стипендия. Я и еще одна девочка—мы учились хорошо, на «отлично» учились, и мы получали стипендию.

—Что на эту стипендию можно было купить?

Что можно было купить . . . Покупали помидоры, огурцы, и студенты в столовой этой питались, а когда нас вернули обратно в детдом, так мы там питались так же, как остальные дети. В начале 41-го года мы успели закончить первый курс. На фельдшерский факультет нас приняли. Мы хорошо сдали экзамены вступительные, и нас приняли на фельдшерский факультет. Мы успели закончить экзамены за первый курс медицинского техникума, и началась война.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Когда началась война . . . я не рассказала: брат старший 21-го года заканчивал техникум строительный, и они даже не успели сдать экзамены. Его тоже выпустили из детского дома. Не успели сдать экзамены, сразу взяли в армию. Сестру старшую . . . надо ли рассказывать такие подробности . . . Старшая сестра была очень красивая, и директор детдома негодяй оказался. Он пытался ухаживать за взрослыми девочками . . . Сестра у меня была очень порядочная и умница была . . . она не согласилась, и после этого он решил выписать её из детского дома. Вот такое ужасное было положение.

А мать . . . она ходила к людям—кому постирать, кому убрать. У нее специальности никакой не было . . . домохозяйка, четверо детей было. Кое-как проживала. Ну, а он выписал, она вернулась к матери. Она была способная грамотная девочка, так она устроилась секретарем в какой-то артели. И через несколько месяцев она заболевает туберкулезом. Вот такое горе было. Заболевает туберкулезом. Попала в больницу. Тогда лечить туберкулез не умели. Что было делать?

Я тогда училась в этом техникуме . . . Когда началась война, сказали, что нас будут эвакуировать. Зимнюю одежду дали, две смены белья, чемоданчик какой-то. Брата мобилизовали сразу, отправили в Москву на курсы лейтенантов, сестра лежала в больнице а нас две сестры—я и средняя сестра—нас должны были эвакуировать. Мама собрала кое-какие вещички свои, пришла к нам в детдом и говорит: я поеду с вами. Я говорю: мама, как же ты Белу оставишь в больнице, в больнице врачи все разбежались, как же можно Белу оставить. Я говорю, давай пойдем в больницу. И мы с ней пошли в больницу . . . Я обливалась слезами . . . она нам заменяла мать в детдоме, оберегала нас. С мамой вместе мы взяли её и стали вести домой . . . Она сказала: иди в детдом . . . Я с ней попрощалась, пришла в детдом. Детей всех уже вывезли на автобусе, а мне пришлось . . . транспорт в Житомире тогда не работал, бомбили город уже. Пешком я шла до вокзала и, слава богу, успела—еще не уехали.

Поздно ночью нас посадили в товарные вагоны открытые—«телятники», и мы поехали.

—Вы с мамой?

Мама не поехала, мама пошла домой с сестрой. Еще одна сестра была со мной, и нас эвакуировали с детдомом. В дороге нас сильно бомбили, очень тяжело было. Потом нас привезли в Сталинградскую область, село Николаевка. Там еще какой-то детдом был. Перед тем, как эвакуироваться, я пошла в техникум и попросила, чтобы мне выдали документы. Там работал—совмещал работу и учебу . . . «Какие документы?! Через три месяца вы вернетесь и будете продолжать учебу». Я говорю: хорошо, документы не хотите, дайте мне справку, что я закончила первый курс. 14 лет мне было, а все-таки что-то соображала. Он тут же мне написал. Я и еще одна девочка—журнал велся отличников учебы. Выдавали деньги, так надо было этот учет вести. Так он мне написал, что я закончила с отличием первый курс фельдшерского техникума. Я была ему благодарна: хоть справку взяла.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Приехали когда мы в Николаевку, я узнала, что город Камышин—через Волгу, и есть там медицинский техникум. А нам от детдома до Камышина надо было 3 километра пройти лесом, а потом через Волгу паромом надо было ехать. Я такая девчонка была . . . старалась как-то, пробивная. Я подходила к паромщику, я говорю: дяденька, я из детдома, у меня нет денег, но мне надо в Камышин, там техникум, мне надо учиться. . . . «Садись, дочка, садись». И посадил меня, я поехала в этот Камышин, разыскала этот техникум, нашла директора техникума. Я ему показала справку. Тогда медперсонал очень нужен был. Он мне говорит, что есть двухгодичный медицинский. А мне нужен второй курс, потому что первый курс я закончила. Сестринский двухгодичный, есть трехгодичный фельдшерский. Он говорит: идите на фельдшерский. Но там надо два года учиться, а сестринский—на второй курс, там надо один год учиться. Я говорю: нет, я пойду лучше на сестринский, потому что у меня средств нет, чтобы учиться.

Там тоже стипендию не давали, только отличникам учебы. Тогда приказ пришел в детдом о том, что 25-26-го года детей отправляли в Ковров на ткацкую фабрику. И я уже в этих списках поехать в Ковров на ткацкую фабрику. Директор ни в какую: никакой техникум, никакая учеба, война, надо ехать в Ковров, надо идти работать и помогать стране. Но у нас была очень хорошая воспитательница-еврейка. Она начала его уговаривать: надо ее пустить, она способная девочка, она хорошо училась, надо разрешить ей поехать в техникум. «Ну, хорошо, но я помогать не буду». Я себе взяла и этой девочке, с которой я училась, я ей тоже взяла справку. И мы вместе поехали учиться. Так он дал нам зимнюю одежду, шапку-ушанку, пальто, которое мы привезли из Житомира, ботиночки. Ни сапог, ни валенок тогда не было. Но первое время мы приходили . . . он человечный был. Он нам давал крупу какую-то, давал муку. Мы еще готовить, не понимали как. Кое-что нам давал, и стипендию мы тоже получали, как отличницы учебы. Целеустремленно . . . жизнь нас заставляла. Потом . . . ой . . . что было потом . . . Мы начали учиться. Время очень тяжелое, немец рвался к Сталинграду. Когда под Москвой были, мы еще учились. Мне всего один год надо было учиться.

Зимой этого директора снимают с работы: он проворовался там, пропил много денег, его посадили. Но он кое-что нам выдавал, и стипендию давали нам—60 рублей была стипендия. А на базаре литр молока стоил 60 рублей. Вот такая была стипендия. По карточкам 400 грамм хлеба мы получали, халву получали вместо сахара. Кое-как выживали. Потом техникум на 4 девочки нам снял комнату у бабки. Такая вредная бабка была. Платил техникум за нас этой бабке. По-моему 25 рублей платил. Чугунка стояла, варили же вместе чугунок один. Так она за этот чугунок—все равно горела печка—за то, что мы варили этот чугунок, она с каждого брала по 20 копеек. Если надо было самовар взять, чтобы подогреть и постирать и помыться, так она брала за самовар рубль. Те две девочки были местные, у них родители недалеко были. Они ездили домой, возили домой белье стирать, кое-что привозили, а мы—две девочки . . . Наконец, этого директора посадили и пришла баба. А знаете, женщины бывают вредные. Ты женщина, ты мать, может уже и бабушка . . . она немолодая была. Мы зимой, мороз сорокаградусный—в ботиночках и шапке ушанке, через Волгу шли, потом лесом 3 километра. Голодные, холодные пришли к ней, и мы ей рассказываем. Она

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

наверно знала, что мы из детского дома, что мы учимся, что нам помогали, давали какие-то продукты. Она говорит: ничего мы вам не дадим, вы уже не детдомовские, самостоятельно живете и выживаете, как можете, вам ничего не положено.

Как так можно . . . дети голодные . . . дай хоть кипяток, стакан чая, кусочек хлеба—детей согреть. Такой мороз—сорокаградусный. Я помню, мы шли и бабы кричат: «Девочки! Девочки! Трите щеки, трите щеки!» Ну, мы вернулись обратно, что было делать.

А у нас преподавала внутренние болезни директор школы, очень милая женщина. И после того, как я к ней подошла и ей рассказала все это—вот у нас безвыходное положение, 60 рублей стипендия, и даже нам не хватает, чтобы паек выкупить по карточкам, возьмите меня кем-нибудь на работу, я согласна уборщицей в поликлинике. Она была главврач поликлиники. Она говорит: «Хорошо, я вас возьму.» Такая хорошая женщина . . . Мы учились в третьей смене. Дети, школьники, было три смены. Даже у нас не третья—четвертая смена была. Мы в час ночи заканчивали учебу. Она меня оформила сестрой по скорой помощи, и я получила паек—карточку рабочую. Это уже 600 грамм хлеба. И я еще ухитрилась и студенческую. И тогда, если бы кто узнал, меня бы за это расстреляли. Очень строго было.

Я получала килограмм хлеба, халвы вместо сахара много получала. Кипяток, хлеб с халвой—это уже не так голодно. И я ночью после занятий—поликлиника была недалеко—ходила в поликлинику, там фельдшер работал. Вызовов было мало, потому что транспорта не было, ходили пешком фельдшера. А утром к девяти часам я оттуда уходила на учебу.

А эта девочка, которая со мной училась, я вместе с ней питалась, я не могла не делиться, мне совесть не позволяла. Она получала 400 грамм хлеба, я получала килограмм. Я с ней делилась, я иначе не могла. А сестру, с которой приехала, ее-таки направили в этот Ковров на ткацкую фабрику. Поработали они 6 дней, потом—их было пять или шесть человек, девочки все—они убежали с этой ткацкой фабрики, потому что был непосильный труд, было очень голодно. Сестра моя знала мой адрес в Камышине. Они приехали ко мне в Камышин. Шесть человек было. Они трое суток ехали на подножках поездов. Денег не было у них. Они открыли дверь . . . «Дай нам что-нибудь поесть, мы уже трое суток ничего не ели». А я отоварилась, я получила буханку целую хлеба. Так я взяла эту буханку хлеба, разрежала на 6 кусков, каждой дала по куску хлеба, и они ели вот так хлеб и держали руку, чтобы крошка на пол не упала. Хозяйка меня обругала: выпустили тепло, холод пустили, и шесть человек пришло . . . Вредные люди были, у бабки детей своих не было. Ну, что было делать? Я их всех отвела в детдом обратно. Отвела, их приняли обратно.

Второго июля 42-го года мы закончили этот техникум. Фактически, один год мы учились. После окончания курсов 2-го июля 42-го года весь курс отправили в Сталинград. Немец тогда еще был далеко от Сталинграда, но быстрым этапом двигался на Сталинград. Дали помещение под

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

госпиталь, прифронтовой эвакогоспиталь считался. Мы заняли помещение, начали готовить всё: кровати устанавливали, белье постелили, оборудование получали, медикаменты—всё готовили. В октябре 42-го года немец вступил в Сталинград. Бомбили нас страшно. Небо было черное от самолетов. Уже мы стали принимать раненых, у нас рук не хватало—столько было раненых, столько было убитых. Такой кошмар, что даже трудно себе представить, в какое мы пекло попали. Мы были на казарменном положении, и когда начиналась бомбежка—нам дали помещение такое для общежития, так мы должны были в любое время дня и ночи, если бомбят, должны были бежать в госпиталь. Так мы принесли солому в коридоре, положили солому и застелили, и мы спали в госпитале на соломе, на полу в госпитале спали. И столько раненых было—мы не успевали, мы не знали, что делать . . . Я сейчас иногда вспоминаю, иногда даже снится, так я просыпаюсь в ужасе, когда вспоминаю это всё.

Я помню, когда была сильная бомбёжка и перед тем, как летят самолеты, сирена тревоги . . . Тяжело раненных мы сразу отправляли еще ночью. Днем нельзя было вывозить раненых, потому что сильно бомбили. Так мы ночью на носилках в автобус брали раненых, и автобус привозил на санитарные поезда и отправляли в глубокий тыл. А таких раненых, которые более или менее могут находиться в нашем госпитале, не требовали длительного лечения, мы их оставляли у себя. И вот помню, сильная бомбежка, сирена, а я зашла в палату тяжело раненных, не успели их еще вывезти . . . Безногие, без рук, кишки выворочены . . . Страшно, что было. Захожу я в эту палату и слышу сигнал сирены. Они кричат: «Сестричка, сестричка! Не уходи, не уходи» понимаете, они беспомощные лежащие больные. И я не могла уйти. Вы знаете, я . . . обычно мы старались где-то прятаться . . . И я не ушла, я осталась в этой палате. Бомбили. У нас в то время было прямое попадание . . . У нас коридор, потом пищеблок, там одежда висела. Было прямое попадание в этот участок. Входная дверь . . . и очень много раненых, очень много убитых, выйти мы уже не смогли, мы уже вылезали в окно. Вот такое было.

—Медикаменты поступали?

Да. У нас при госпитале аптека была. Тогда еще пенициллина не было. Пенициллин в 43 году появился . . . я уже не помню. Медикаменты были, перевязочный материал был, марля была, бинты были, гипс был. Гипс накладывали при переломах. Ночью грузили, вывозили раненых. До 5 утра с двенадцати-часа ночи вывозили раненых, потому что днем нельзя было—днем сильно бомбили. Грузили их в санитарные поезда. Ходячих, легко раненных мы оставляли у себя. Они быстро вылечивались и отправлялись снова на фронт.

Когда забрали нас в госпиталь, я попросила замполита, чтобы он . . . сестра моя тогда была в детдоме. Я попросила замполита, чтобы сестру мою тоже взяли. 2-го июля 42-го года немцы были далеко от Сталинграда. Сестра моя работала в пищеблоке. Она не имела медицинского образования, она тогда поступила в педагогический техникум, первый курс окончила. Попросила

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

замполита, чтобы он ее взял на работу. Рук нехватало, брали, конечно. Мы спали по три, по четыре часа в сутки, страшно много работали. Он взял ее, она поработала несколько месяцев, и она тоже заболела туберкулезом. Представляете? В 10 километрах от Сталинграда было какое-то село, там была больница, и он договорился с главврачом. Мне дали телегу, и я отвезла в свободный день, когда было более или менее спокойно. Я ее отвезла в эту больницу. Она недолго там прожила. Первое время я отпрашивалась у замполита и навещала. 10 километров я ходила пешком туда и обратно. Она так радовалась: «Ой, ко мне сестра пришла». Такая довольная, счастливая была. Для меня это было, конечно, очень тяжело – пешком 10 километров идти.

А потом, когда уже освободили Сталинград . . . Сталинград—за него сражались страшно. Там был и Жуков, и Конев, и Рокоссовский, и Ватутин. Там все главнокомандующие были. Там взяли в плен Паулюса, вы наверно слышали. 33 дивизии взяли в плен. Тогда Гитлер объявил трехдневный траур. Мы почувствовали некоторое облегчение, нас не стали так сильно бомбить. Тогда были очень сильные морозы. Это было 3-го февраля 43-го года—Сталинград освободили от немцев. Настолько сражались, что бывали на одном этаже немцы, на другом этаже наши.

—В одном здании.

В одном здании. За каждый клочок земли, так сражались, что уму непостижимо. Сколько людей погибло . . . Я помню, когда нас вывозили уже из Сталинграда—воинские части шли, а мы сопровождали их. Мы приехали—поле было . . . Тогда уже «Катюши» появились, танки . . . «Катюши» на большом расстоянии уничтожали всё на своем пути. Нас очень выручили «Катюши». И вот мы ехали, и на дороге в поле лежал молодой солдат, и ворона клевала его глаза. Водитель остановился, мы вылезли из машины—мы везли госпитальное имущество, одеяла, простыни—вышли, из кармана достали его данные: имя, отчество, адрес его. Мы отдали замполиту эти данные, завернули его в простынь. У водителя была лопата, мы выкопали яму, похоронили его и поставили там дощечку на палке и поехали дальше.

—Вы в госпитале работали или выезжали на поле боя собирать раненых?

Мы не собирали раненых. Когда освободили Сталинград, и части пошли дальше вперед, мы сопровождали воинские части. Мы проезжали и увидели . . . просто не успели всех собрать. Мы не собирали. Это случайно нам попался—не успели похоронить.

Потом мы получили приказ перейти в Астрахань. Перевели нас в тыловой госпиталь. Я была непосредственно на передовой 6 месяцев и 26 дней. Пришел приказ нас перевести в тыловой госпиталь. Нас привезли в Астрахань. В Астрахани заняли четырехэтажное здание школы. Мы там расположились. Чем было плохо: здания высокие, потолки высокие, лифта не было, а все службы

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

были на первом этаже—лаборатория, рентген—и мы должны были раненых на носилках тащить на четвертый этаж, с четвертого этажа. Мне было тогда лет 16 . . . И мы тащили всё на себе—вот эти носилки. Мы там поработали долго—несколько месяцев. В Астрахани было очень много госпиталей, которые до войны еще были открыты. Наши тоже не раздумывали, такие приказы . . . пришел приказ в Астраханские госпитали, которые функционировали еще до войны. Работали там люди, у которых дети, семьи, родители, мужья, квартиры свои, может быть и участки были. Пришел приказ ехать в Киев этому госпиталю. А они знали, что там в нашем госпитале молодые, фронтовики. Очень многие с Украины. И они все прибежали к нам, чтобы мы вместо них поехали в Киев на Украину.

Мы конечно обрадовались, потому что много было с Украины. И мы с ними поменялись: они пришли работать в наш госпиталь, а нас посадили в теплушки. Но нам создали хорошие условия : в теплушках поставили кровати, постель нам дали. И мы 10 суток ехали с Астрахани до Киева.

—Это уже после того, как Киев . . .

Киев в 44-ом году был уже освобожден. По дороге мы проезжали Баскунчак . . . озера. Приносили нам соль. Соль тогда же на вес золота была, потому что не было. Потом селедку, было много рыбы, селедки. И мы покупали эту соль, покупали селедку – всё в мешки и под кровать. Когда Украину проезжали, на Украине мы прямо все разъелись. На остановках подносили молоко и творог, и сметану, и мы наелись вот так.

Приехали в Киев, открыли госпиталь, дали нам помещение. Это было там, где политехнический институт, и большой там парк красивый, и там большое высотное здание, и мы заняли это здание. Там работали до начала 45-го года. Перед концом войны побоялись, чтобы много людей не осталось в Киеве. Очень много госпиталей было в Киеве, и очень много госпиталей вывезли в город Гайшин Винницкой области. Мы не хотели уезжать из Киева. Одна сестра—замполит приехал с двумя солдатами с винтовками за ней. Военнообязанные!

Конец войны мы встретили в Гайшине. Помню, ночью я дежурила. Много офицеров среди раненых . . . к бабам уходили. Ночью включали радио, они услышали по радио передавали 8-го мая: Победа, победа. Прибежали ночью в госпиталь. Светомаскировка у нас была. Мы зажгли свет, все стали обниматься, целоваться, ура кричать, победа, победа. Многие плакали, кричали: мы выжили, мы выжили! Столько было радости.

Год еще находились в этом Гайшине. Подшефный колхоз был. Там места такие зажиточные. У них много овощей было, фруктов, картошки. Они приносили в госпиталь раненым.

Ну, а потом начался тиф, сыпной тиф. Врач пошел и фельдшер и меня послали на борьбу с этим

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

тифом. Мы пошли, мы обходили каждый дом. Больных сразу изолировали, отправляли в больницу. С раннего утра до поздней ночи мы каждый дом обходили. В один прекрасный день я была на дежурстве . . . на двенадцатый день я заболела сыпным тифом. У меня поднялась высокая температура, я успела еще сдать дежурство. Я жила в общежитии. Пришел врач-терапевт, меня осмотрел. Я уже забывалась, временами забывчивость такая. Он говорит: ты меня знаешь? Я говорю: как же вы мне такое говорите. Я же с ним работала. Но я временами забывалась. Он поставил диагноз, что у меня сыпной тиф, и меня забрали в больницу. Больница была недалеко от госпиталя, и ко мне очень хорошо относились. Сестры дежурили и три раза в день мне приносили питание из госпиталя: завтрак, обед и ужин, потому что в больницах очень плохо питали. У меня никого там не было, близких, родных не было.

Несколько месяцев просуществовал этот госпиталь, потом этот госпиталь закрыли. Много раненых уехали долечиваться к своим родным. Госпиталь не распускали, только закрыли, но нас не демобилизовали. Меня временно перевели работать в другой госпиталь, и там я жила в другом общежитии. Месяц или два, я не помню, сколько я там поработала. Пришла сестра из того госпиталя, где я раньше работала. Пришла с молодым человеком и говорит: знакомься, это брат нашей Доры. У нас работала бухгалтером Дора. Она попросила ее брата с тобой познакомить. Ну, я познакомилась . . . она говорит: я пошла. И мы стали с ним встречаться. Он служил в армии, его часть была в Германии. Он приехал в отпуск к своей сестре. У него отпуск скоро кончался, и он говорит: «я должен уехать,—а меня еще не демобилизовали,—но я скажу, что я на тебе женюсь, чтобы тебя демобилизовали». Я конечно, глупость сделала: у меня нигде никого не было, а там в госпитале все-таки условия были приличные, можно было там жить. Он говорит: «Я тебе помогу устроиться в Киеве». А я не подумала: у него же билет в Германию был, зачем мне было ехать в Киев. А тогда уже кое-кого демобилизовали.

У нас полковник медицинской службы—врач. Я к нему подошла, он со мной пошел, говорит: вот я на ней женюсь, я ее забираю с собой и хочу просить, чтобы ее демобилизовали. Он говорит: «Хорошо, а куда вы хотите ехать?» Я говорю, я не знаю, мне некуда ехать, у меня нигде никого нету. И говорю, я хочу в Киев. Он говорит: «Но в Киев мы не имеем права давать направление, могу только дать направление в Министерство Здравоохранения».

Приехала я в Киев . . . Нас когда привезли в Киев из Астрахани, устраивали по квартирам без желания хозяев. Не спрашивали, просто насильно нас заселяли, потому что военнотружачие. Они не имели права нас не пускать. Я жила у одной хозяйки, и я надеялась, что она меня примет, когда я приеду. Ну, была девчонка наивная, конечно. Я приехала, пришла к ней . . . он со мной пришел к ней. Попросилась к ней на квартиру, она говорит, нет, мне квартиранты не нужны. А у него уже срок кончается, ему надо ехать, билет у него на поезд. Я его проводила на поезд и осталась между небом и землей.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Я вещи сдала в камеру хранения, пошла в город. Там у нас одна—аптечный работник, их демобилизовали раньше. Она где-то устроилась на заводе в аптечном киоске, ей дали квартиру от какого-то завода. Я не помню, на каком заводе она работала, и ей дали квартиру. Она там жила с сестрой и с родителями. Родители приехали из Астрахани. Я к ним зашла, и они мне пару дней разрешили—я у них переночевала.

А потом я случайно встретила санитарку, которая работала у нас в госпитале. В Киеве она уже работала в детской инфекционной больнице. Она говорит: «Ты где?» Я говорю: «Нигде, между небом и землей». Она говорит: «Идем, я тебя порекомендую и тебя возьмут на работу в детскую инфекционную больницу». Я пошла. Фронтовичка, молодая сестра, сколько проработала в госпитале, с опытом работы. Сразу взяли на работу. А жить-то мне негде было. Опять я начала спрашивать, мне порекомендовали квартиру. И там на этой квартире еще две женщины, и я с ними вместе. Хозяева не очень приличные: пьяница жена, пьяница муж . . . дети, не помню, сколько детей.

А в это время ко мне подошел мужчина, он сам адвокат. Он видел, что я переселяюсь в эту квартиру. Он работал юристом в Подольском пищеторге. Он имел возможность покупать продовольственные карточки на базаре. Тогда продавались продовольственные карточки. Он имел возможность отоваривать, потому что он юристом работал в пищеторге. Продавцы в магазинах были знакомые. Он покупал карточки и отоваривал, где можно было лучше. Он говорит: «Если хотите, будете жить у нас». У него там жена и ребенок. «Будете жить у нас и поможете нам отоваривать карточки. У вас двое суток [на работе] будет свободных». И я пошла. Паспорт показала. Жена была у него, ребенок. Она попросила паспорт, и я пошла и начала у них жить. Несколько лет прожила. Первое время я после работы приходила, брала карточки, ездила на Подол, тогда еще транспорт очень плохо ходил. Были телеги, запряженная лошадь. По пять, по шесть человек садились, по 5 рублей брали, привозили. И я вот таким образом . . . платили очень мало, одеться не во что мне было, пять лет ходила в шинели.

—Вы расписались?

Нет, нет. Он уехал. Мы просто в поезде поехали, я с ним не жила, интимных отношений у нас не было. Я его проводила. Он сказал, что я за тобой приеду, и мы поженимся. И всё. Там, он когда месяц пожил, мы ходили на танцы с ним, ходили в кино, но никаких интимных отношений у нас не было. Он порядочный был человек, и сестра его со мной вместе работала. Ну, я его проводила и всё. Но два года он мне не писал. Он же не знал моего адреса, не знал, куда мне писать.

Я ушла от этих людей, я несколько лет прожила. Помогала по дому, конечно, им отоваривала карточки. А потом я перешла . . . в детской инфекционной больнице неинтересно было работать. Был челюстно-лицевой госпиталь для инвалидов войны. Я пошла к начальнику госпиталя, и меня приняли туда на работу. В челюстном отделении я работала. Сначала я палатной сестрой работала,

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

потом они увидели, что я справляюсь, они мне предложили работать операционной сестрой.

Да, эти люди меня прописали. Была с пропиской такая проблема. Они обещали меня прописать. Тогда же было очень трудно. Долгое время нельзя было, меня не прописывали. Так я жила. Было отношение из больницы—главврач просила. Ничего не помогало. Я ходила на Крещатик, выстаивала большие очереди, и каждый раз отказ, отказ, отказ. В конце концов мне дали разрешение прописаться на полгода. Прошли эти 6 месяцев, надо было идти продлить прописку. Как-то получилось, что я просрочила. Я пришла к нему, он не обратил внимания, что у меня просрочено, и написал продлить еще на полгода. Захожу я к машинистке, она говорит: просрочена прописка. Ах, просрочена—выехать в течение 24 часов. А куда ехать?

—А мама . . .

Я когда приехала в Киев, я поехала в Житомир. Там у мамы жила полька одна, очень несимпатичная женщина. Мама как-то ее пожалела, пустила к себе. У нас у самих такая трущоба была. Ну, ей тоже некуда было деваться. И вот я пришла. Она была жива—полька. Она мне сказала, что маму немцы расстреляли. Сестру она похоронила. Я узнала, расплакалась и со слезами поехала обратно в Киев.

Когда он мне написал «выехать в течение 24 часов», я опять со слезами иду, что мне делать, куда мне деваться. Никуда не собиралась уезжать, продолжала работать. У юриста, у которого я жила, у него какой-то знакомый был в милиции работал. Тогда Хрущев был у нас на Украине, я Хрущеву писала. От Хрущева тоже отказ получила. Вот этот адвокат . . . он пошел и дал мои документы, и он меня прописал, постоянную прописку мне сделал.

Ну, потом мне надоело у людей жить, и я пошла в этот госпиталь работать. Там общежитие было. Я начала работать там. Я подошла к главному врачу и попросила разрешения там прописаться. Места в общежитии не было. Я говорю, я не прошу в общежитии места, хотя бы пропишите меня в общежитии. Он меня прописал в общежитии. Потом мне посоветовали еще одну бабку на Костельной. Она болела бронхиальной астмой, и часто ночью у нее бывали приступы и надо было делать уколы. Так я за счет этого, что надо делать уколы, помогала ей, так она взяла меня к себе на квартиру.

Муж мой . . . он тоже из детского дома. Он инвалид войны 2-ой группы. Он во флоте служил 5 лет и на передовой всё время был, пока не заболел. Он учился в университете и закончил уже после войны. У него в Ивано-Франковске сестра жила. Он демобилизовался и поехал к сестре. Он там закончил вечернюю десятилетку с медалью, будучи ранен, инвалидом будучи. А потом поехал в Киев и поступил в Университет. Он Университет тоже закончил с «красным дипломом». Его общежитие было на этой же Костельной . . . Просто бог нас свёл. Я его встретила, мы быстро

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

узнали друг друга. Стали встречаться, он стал за мной так ухаживать: с работы я шла домой—приходил с цветами. Часто по праздникам вечера, он меня приглашал. Но пожениться мы не могли, потому что нигде было жить. Он тогда жил в общежитии, а я жила вот у этой бабки.

А этот, с которым меня познакомили, брат этой женщины с работы, через два года приехал в Киев, нашел мой адрес, пришел ко мне. Но я уже не хотела: он ехал обратно в Гайшин, и я подумала, что работы там нету, городок там маленький, квартиры там нету, а у меня прописка в Киеве. У него тоже никаких перспектив не было, и я не хотела. Потом . . . я уже встречалась со своим мужем . . . и я ему отказала. Он ушел, он был очень расстроен . . . так вот мы с ним расстались.

А потом муж закончил университет, получил назначение в Ивано-Франковск. Романо-Германский отдел он закончил. Французский язык он преподавал в школе. 17 километров от Ивано-Франковска село Бершаны. «Давай распишемся» . . . Но как распишемся, когда жить нигде.

Я как-то поехала к нему в отпуск. Он с сестрой жил. Там хорошее место очень, река, леса. И когда я приехала оттуда . . . у него комнатка, правда, была небольшая . . . и я решила, что в Ивано-Франковск мне незачем ехать. Приехала в Киев, и мне посоветовали, знаете,—это был 53-54-ый год—там же «толкучка» была и собирались люди . . . тогда же квартиры нельзя было ни строить, ни купить, ничего же нельзя было. Частные какие-то домики . . . купля-продажа . . . И вот я встретила женщину, «Я,—говорит,—живу на Красноармейской», у нее частный домик был и жили рабочие заводские. Они время от времени получали на работе квартиры, и она эти комнаты—комнаты она сдавала—она их продавала. Она их не продавала, она их давала внаем, прописывала. Этот дом должен был пойти на снос. Частный такой маленький домик. Я с ней познакомилась, она меня привела, показала мне эту квартирку, где она мне давала . . . Я говорю, хорошо, а сколько вы хотите за эту квартиру? Она говорит: «Я могу вас прописать, мне выгодно вас прописать». Фактически, я была одна, я не была еще расписана с мужем. Я говорю, хорошо, а сколько же вы хотите за эту квартиру? Она говорит: 24 тысячи. Двадцать четыре тысячи! А у меня на книжке было четыре тысячи всего. Я ей не сказала, сколько у меня денег. Я говорю: «с вами я говорить не могу, у меня таких денег нет». «Ну, я вам пойду навстречу: не сразу всё, вы мне частями будете отдавать». Она была во мне заинтересована.

Она была знакома с начальником милиции, она им тоже платила. Знаете, взятки давала. И они вот так прописывали. Она меня прописала. У меня было четыре тысячи. Она говорит: «Вы мне сразу отдадите 15 тысяч». В госпитале я работала, у нас была касса взаимопомощи. Я три тысячи взяла в кассе взаимопомощи, три тысячи—моя подруга, мы с ней дружили . . . она тоже взяла три тысячи. Так у меня было десять тысяч. А в городе мамин брат меня разыскал. Они тоже бедно очень жили. Сестра его жены—они работали на Севере. Она и он был профессор. У них были деньги на книжке. Она очень добрый человек. Ее уже нет в живых. Она одолжила у них пять тысяч и мне привезла. И я дала сразу 15 тысяч. Скоро это снесли и должны были дать квартиру.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Я мужу написала, он приехал, я его прописала. Его не хотели прописывать. Я с ним расписалась сразу, но его не хотели прописывать, потому что дом идет под снос. «Идите к начальнику милиции». Я пошла к начальнику милиции. Я говорю: «ну, как же, мужа вы обязаны на любую площадь прописать». У него справка, что он инвалид войны был. Его прописали, и он приехал.

А потом снесли эту нашу трущобу, и мы получили квартиру, в которой сейчас . . . Мы еще год прожили, я тогда сына в той же трущобе родила. А потом мы получили квартиру, двухкомнатная квартира. А он устроился работать старшим редактором в бюро иностранных переводов в торговой палате. Он способный . . . долгое время не мог устроиться на работу. Сын закончил Политехнический институт, женился, уехали они в Германию, и он сейчас там живет в Германии. А муж, к сожалению, очень больной сейчас.

—Спасибо вам большое.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT ENGLISH TRANSLATION

—Today is May 19, 2009. We are in Kyiv, meeting with a veteran of the Great Patriotic War. Please, introduce yourself and tell us about your pre-war life.

I was born in Zhytomyr in 1925. My mother was a housewife and my father a cobbler. I spent my childhood and youth in very harsh conditions. We lived in a small Jewish shtetl, Kodnya, in Zhytomyr Oblast'. My father was a businessman, they made shoes and clothing. He was a cobbler by trade. They had an artel and he was its director. In 1925, when I was born, Father was still allowed to have his own business. Later, this was banned, and Father was out of work. There were four children in our family, and life became difficult. We were so hungry. I remember as a little girl, no older than four, being so desperately hungry. But I didn't whine, didn't beg for bread, I just cried silently. Mother tried to calm me, reassuring me that Father would come and bring bread. I would say to her: "Mama, if daddy brings bread, wake me up." Of course, Father didn't bring any bread, and I slept through morning only to live through it all again the next day. We were so hungry.

My uncle, my mother's brother, lived in Homel, Belarus. Mother was born in Lithuania and my father was born in Ukraine. [Father] served in the Russian Army in Lithuania, and that's where they met. She was twenty years old when they married. While he was serving in Lithuania, they had three children. My brother and two sisters were born in Lithuania, and I was born in Zhytomyr. My mother had seven brothers, she was the only girl. They all left Lithuania, probably because life was difficult. Many of them moved abroad. One of her brothers ended up in Lithuania, he was also a cobbler. He came to see us when we had fallen on especially hard time, when we were hungry. He arrived in Kodnya and asked: "What are you guys doing in the hole?" He was somewhat of an influential man, even though he was just a cobbler, he was a very smart, very good man. He was also involved with business. He offered to help move us to Homel. Father was the first to leave, and my uncle helped him get a job at a factory in Homel. And afterwards, my uncle came to get the rest of the family.

The famine wasn't as bad in Belarus as it was in Ukraine. At first we were doing pretty well. My uncle found us a place to live near him. It was a basement apartment, but we stopped going hungry because father received some food rations at work, and we were happy. It was 1931, and I was six years old. The 1930s were famine years. A preparatory school group was formed, I started school and did well.

One day—we hadn't even been living there for a year—unexpected visitors arrived at night. Father was arrested. I was a child and I didn't hear it happening during the night, so I only found out in the morning. They even went through all our books, including the children's schoolbooks.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Why was he arrested?

I'll explain. He was detained for a full day, and was told to return whence we had come from. Stalin issued an order to deport everyone back whence they came from, especially the peasants. Kodnya was a Jewish settlement, but there were kolkhoz farms nearby. Peasants in particular were not allowed to move anywhere. Stalin's order was to deport everyone back to their settlements. It was awful, I was six years old, I didn't understand what was happening. My uncle packed us a little basket of food, and sent us back. On the train this basket of groceries was stolen from us. We arrived in Zhytomyr, it was cold, freezing. My father's sister lived in Zhytomyr. They also had four kids, a large family. We got to aunt's house at night. They were starving. All they had to eat were potato peelings dipped in fish oil. They shared with us whatever they had. We stayed with them for a few days until father found some shack on the city outskirts, without doors or window panes, near the edge of town. Somehow he found glass for the windows, found a door we could use. It was very cold; the temperatures were freezing. And that's where we lived.

Father went off to look for work. We received ration cards, and my mother went to the store, where the lines for bread and food were very long. I remember there was a big boulder down the street. I spent days sitting on top of this boulder, peering, waiting for mother to come back and bring bread. In a couple of days, Father went to look for a job but he never returned. People were dying, dropping like flies, swollen from hunger. They were collected in carts and taken to mass graves. They would dig out these pits, and all of the corpses were thrown in there. We assume that father died of starvation. We never found him. We were left on our own. We had nothing to make fire with, and nothing to eat. What were we to do?

My eldest brother went to an orphanage and asked to be admitted therein. Then it was just us three girls. Mother managed to get some people to take in my sister to help out with their child. Mother brought me to school, though back then kids were admitted to school at the age of eight, and I was only seven years old. The teacher said that if I knew how to read I could stay. She gave me something to read. I had learned how to read early, and the teacher permitted me to stay with the class, and I started attending school. I was hungry, lice-ridden, swollen from hunger . . . The teacher took me to an orphanage. My older sister, she also wound up in the orphanage, I don't even remember the details. Then the oldest sister, the one who was taking care of a neighbor's child ended up in that same orphanage. All four of us, all four kids were in the orphanage in Zhytomyr. We starved there as well. I would have fainting spells due to starvation.

I was in second or third grade, I don't remember, and we were considered the senior group. Below us were children of the first and second grades. They lived at the orphanage too. So we, the seniors, were woken up earlier than the younger group. For breakfast we never saw meat or milk, or cottage cheese. For breakfast we had noodle soup with onion. I couldn't stomach this soup, so I went to school hungry. We didn't get any lunch to bring with us. When we returned from school, again, the younger group ate earlier, while we had breakfast earlier and lunch later than them. Around four or five in the afternoon we got

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

lunch. Of course, before lunch I would often have fainting spells due to hunger. We had a medical unit and the nurse would give me some kind of drops. That was what my childhood was like.

I studied. There was a Jewish school in the city, not far from our orphanage. We had a Jewish group there. At the orphanage there was a Russian group, a Ukrainian group, and a Polish group. Every group had its own caregiver, and we all went to the schools in the city together. I completed seven years of Jewish school. No, not seven, six grades. Later, there were no children in the lower grades in the Jewish school, because to get into a college or university you had to take exams in Russian, so parents didn't want to send their kids to Jewish schools. They wanted to transfer us to the seventh grade of a Jewish school that was located quite far away; there were a few of us Jewish children left. Those who weren't good students left the orphanage sooner to go work in factories.

I was a good student, so I was allowed to complete seven grades. A few of us got together and approached the deputy principal, begging her not to transfer us to a school on the outskirts. We told her we would go into the Russian-language seventh grade, because we needed to take exams in Russian to get into colleges anyway. So we stayed and graduated from the seventh grade there. I, along with two other girls, finished the seventh grade with good marks and in 1940 enrolled in the medical technical college. We were assigned to student dormitories. There was an affordable cafeteria in the courtyard. We were so excited that we finally would have a chance to eat! But, alas, as they say "the music didn't play for long." A few months later Stalin issued an order to revoke all student scholarships. We lived on these scholarships, what were we to do? I was among the three girls who went to the District Board of Education, asked what we were to do since we were from an orphanage, and our stipends were revoked. They gave us a paper that sent us back to the orphanage. We went back; while continuing our studies. A few months later another decree by Stalin came out, indicating that straight-A students were to receive a stipend. To be honest, the stipend was meager. One other girl and I were good students and we received this stipend.

—What food could you get with this stipend?

What could we get? We bought tomatoes, cucumbers. As students, we ate at the student cafeteria, and when we were sent back to the orphanage, we ate there. In the beginning of 1941 we completed the first year of technical college. We received good marks on our exams and were accepted to a program to become paramedics. And then the war began.

When the war started . . . I forgot to mention, my older brother, born in 1921, was finishing a construction college and he didn't even have the chance to take his final exams. He had already left the orphanage. He was drafted right away. My older sister, I don't know if I should share these details, my older sister was very beautiful, and the principal of the orphanage turned out to be a real jerk. He fancied older girls at the orphanage. She was a good girl and did not accept his advances, so he decided to kick her out. It was a

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

pretty horrible situation.

This entire time, my mother looked for work, went to people's houses to clean, or to do laundry. She didn't have a trade, she was a housewife raising four children. She was surviving somehow. When my sister was kicked out of the orphanage, she went to back to live with our mother. She was an educated girl and she found a job as a secretary. A few months later she contracted tuberculosis. It was a tragedy. She got tuberculosis and wound up in the hospital. In those days they didn't know how to treat tuberculosis. What were we to do?

I was in college, and when the war broke out, we were told that we would be evacuated. We were given winter clothing, two sets of underwear and some sort of a suitcase. My brother was mobilized right away and sent to officer training courses in Moscow. My sister was in the hospital, while my middle sister and I were to be evacuated. Mother gathered a few of her things, came to the orphanage, and declared that she was coming with us. I said to her: "Mama, how are you going to leave Bella in the hospital all by herself? All of the doctors have dispersed. Let's go to the hospital." I was bawling when we got to the hospital, my sister had been like a mother to us, protected us in the orphanage. Mother and I got her and walked her back home. My mother told me to go back to the orphanage, and by the time I got there all of the children had already been taken away on a bus. Public transportation was not working in Zhytomyr at the time—the city was bombed—and I had to walk to the train station. Thank goodness, I made it in time.

Late that night we were placed on freight cars, the so-called "cattle cars" and we took off.

—You and your mother?

My mother didn't go, she went home with my sister. The other sister was with me, and we were evacuated with the orphanage. We were heavily bombed en route, but finally made it to the village of Nikolaevka [Bolshevik], Stalingrad Oblast'. There was another orphanage that had been evacuated there. Right before we evacuated, I stopped by my college and asked them to give me back my documents. There was a man who worked there, he worked and studied at the same time, and he exclaimed: "What documents?! In three months you'll be back at school!" I said: "Fine, if you don't want to give me my documents, at least give me a certificate indicating that I have finished my first year." I was fourteen years old, but I already had some smarts about me. He penned a certificate. For me and one other girl. There was a ledger. They paid out stipends, so there was supposed to be some sort of a record. So, he wrote that I had graduated from my first year of prehospital emergency medical care with honors. I was grateful to him: at least, I had a certificate.

We arrived in Nikolaevka and I discovered that there was a medical college just across the Volga River in Kamyshin. To get to it, you had to walk through the forest for 3km, and then cross the Volga River on a ferry. I was a very determined young girl. I approached the ferryman and said: "Little uncle, I'm from the

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

orphanage, I have no money, but I need to go to Kamyshin, to the college there, and I need to study." And he let me on. I went to Kamyshin, found the college principal and showed him my certificate. Medical personnel were in high demand at the time. He told me that the college had two-year medical degrees. I only needed to complete the second year, because I had already finished the first year. The nurses' degree required two years and the paramedic degree required three years of school. He told me I should pursue the latter. But that meant that I would have to study for two more years, and I only needed one more year for the nursing degree. I said no, I'm going to go for the nursing degree, because I don't have any money to study for two years.

The stipend situation was the same; only those with perfect grades received a stipend. Then we received new instructions at the orphanage, whereby children born in 1925-1926 were to report to the city of Kovrov to work at a textile plant. I was of course supposed to go. The principal wouldn't budge: "College is not important now, you have to go work and help the motherland." But our caretaker at the orphanage, she was Jewish, good woman, she tried to convince him to let me stay. She told him what a great student I was. He finally consented, but said he would not be helping me along the way. So I got written permission for myself, and this other girl I was studying with. And the two of us set off to go to study. He gave us some winter clothing, a hat, a jacket which we brought from Zhytomyr, and some shoes. We didn't have boots or felt boots. We came to him, he was a decent man, he gave us some flour, some cereals. We had no idea how to cook at first. We also received a stipend for our good grades. We were very determined girls. Life made us that way. And later, oh God, later we began studying. It was a difficult time. The Germans were pushing toward Stalingrad. When the Germans were approaching Moscow, we still went to school. I just had one year left to finish.

The orphanage principal was fired during the winter. He stole money from the college and drank it away, and so he was arrested and jailed. But he used to give us things, hand us our sixty ruble stipend. A liter of milk at the market cost sixty rubles, so you can imagine what kind of stipend it was. We got 400 grams of bread with our food ration cards. We received halva instead of sugar. But we managed somehow. The college rented a room for the four of us girls at some old lady's house. She was a very unpleasant woman. The college paid our rent, which I think was twenty-five rubles. There was a cast-iron stove in the house, and she would charge us twenty kopeks each for it. If we asked to use the samovar, to heat up some water for bathing or laundering, she would charge us a ruble. Two of the girls were locals, and were able to go home and do laundry there, bringing something back. But the other girl and I had no other support. After the principal was imprisoned, a woman replaced him. You know, women can be evil. A woman, a mother, maybe even a grandmother—she wasn't very young. We had to walk 3km and cross the Volga in the blistering cold in regular shoes and hats. We came to her, cold and hungry, and explained our predicament. She probably knew that we were orphans, that we were attending college and that the school administration used to help us out by giving us some food. She told us that we would get nothing from her. She reasoned that since we were no longer orphanage children, that we had to be independent and fend for ourselves as best as we could, and that we did not deserve any special treatment.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

It is beyond me how someone could be like that: hungry children . . . at least give us some hot water, a cup of tea, a piece of bread—give the children a chance to warm up! It was forty degrees below zero Celsius. I remember we were walking and women were shouting to us: “Girls! Girls! Rub your cheeks! Rub your cheeks!” We went back, what else were we to do?

We had this wonderful teacher, the school's principal, she taught Internal Medicine, a very nice woman. I told her all about our predicament; we were at a dead end, our stipend was 60 rubles a month, which was not enough to redeem our food ration cards. I begged her to hire me, I offered to do any kind of work, like cleaning the clinic. She was the head doctor at the clinic. She was such a nice woman and she agreed to employ us. We took classes in shifts, not even in the third shift but the fourth shift; we finished school at one o'clock in the morning. She hired me as an emergency care nurse, which enabled me to get a worker's ration card, which provided 600 grams of bread. I also managed to keep my student ration card. Had anyone found out about this at the time, I would've been shot. It was very strict back then.

I was getting a kilo of bread and plenty of halva instead of sugar. Hot water, bread with halva, it was not so bad anymore. At night, after class, I would go to the clinic—it wasn't too far—where I assisted a paramedic. We didn't get a lot of emergency calls because there wasn't any transportation to get us anywhere, so the medics had to walk to see patients. At nine in the morning I would leave to go to school.

I shared my food with that girl I was living with. I couldn't help myself. My conscience prevented me from keeping it all to myself. She received only 400 grams of bread, while I was getting a whole kilo. My sister, the one who came with me in the first place, was sent to Kovrov to work at the textile plant. They worked for five or six days, and then together with the other five or six girls she was with, she ran away. The workload was massive, and there was no food. My sister knew my address in Kamyshin and the six of them ran away and came to me. They spent three days traveling on the footrests of trains. They had no money. I opened the door and they said: “Please give us something to eat, we haven't eaten in three days.” I had just received a loaf of bread. I took the loaf, cut it into six pieces and gave each one a piece. They ate it like this, with a palm underneath to prevent any crumbs falling. The landlady cursed us all. She was upset that by opening the door they had let in the cold and let the heat escape, and, of course, there were six of them . . . She was a mean-spirited woman, she didn't have any children of her own. What was I supposed to do? I took them all back to the orphanage, which accepted the six of them back.

On July 2, 1942 we graduated. In reality, we only attended it for one year. After graduation, on July 2, 1942, the entire class was sent to Stalingrad. The Germans were still far from Stalingrad, but they were drawing near at a fast pace. A space for a hospital was provided, which was to serve as an evacuation hospital. We began preparing: setting up the beds, putting down linens, arranging the facilities, equipment, and medical supplies. In October 1942, the Germans entered Stalingrad. The bombings were terrible. The sky was black, covered with airplanes. We started admitting the wounded, and we didn't have enough personnel, because there were so many wounded, so many killed. It was a nightmare, it's

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

impossible to imagine, we were right in the thick of it. When the bombings began, we were confined to our barracks and we were provided a dormitory. At any given time we were supposed to be ready to run over to the hospital. We brought some straw and made this makeshift bedding on the hospital floors, we slept right there on the hospital floor. There were so many wounded, we couldn't get to everyone and we didn't know what to do, how to get everything done. I have nightmares about it to this day; I still wake up in the middle of the night in complete horror when it all comes back to me.

I remember a particular incident, when we heard the siren and the planes above, right before a very intense bombing ensued. You see, those who were heavily wounded were transported to the deep rear. We could only send them at night, because during the day there were heavy air raids. So, at night the severely wounded were taken out on stretchers to the buses, which in turn, brought them to the hospital transport trains. Those who did not require prolonged hospitalization stayed at the hospital with us. So, one day there was a heavy bombing, I walked into a ward with wounded soldiers who had lost arms, legs, whose insides were hanging out. It was an awful sight to see. They had not had a chance to transfer them yet. As soon as I walked into that ward I heard the alarm siren go off. They started yelling to me: "Nurse! Nurse! Don't leave us, don't go!" They were completely helpless, confined to their beds. I usually tried to flee and take cover somewhere, but I couldn't leave them and I stayed with them. This time we were hit directly. There was this hallway at the end of which we hung our clothing, which led to the canteen. Many were wounded and killed, the front door was destroyed and we couldn't exit through it, so we climbed out the window.

— Were medical supplies delivered regularly?

Yes. We had a pharmacy at the hospital. This was before we had penicillin, which came only in 1943. We had medical supplies, dressings, gauze, and plaster to make casts. Casts were applied to broken bones. At night, from midnight until about five in the morning we loaded the wounded and brought them to the hospital transport trains because we couldn't do it during the day. Those who were able to walk, stayed at the hospital with us. If they could recover quickly, they were sent back to the front right away.

When we were assigned to the hospital I asked the political officer if my sister, who was still at the orphanage at the time, could also come. On July 2, 1942 the Germans were still far from Stalingrad and she was permitted to join me. She worked at the canteen because she didn't have any medical training. She completed one year of Pedagogical college. I asked the political officer if he would employ her. There were never enough people for all the work we had to do, so of course new people were welcome. We slept for three or four hours per day, there was so much work. She worked for a few months, but then also contracted tuberculosis. Can you believe it? About 10km from Stalingrad there was a hospital and the political officer made arrangements with the head doctor there to take her in. On a day that was more or less calm, I took a cart and drove her there. She didn't linger there. At first I got permission from the political officer to go visit her. I walked 10 km here and back. She was so happy when I visited, she would

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

say: "Look, my sister came to visit me." She was so happy, so content. For me, walking 10km was no easy feat.

Once Stalingrad was liberated . . . The battles for Stalingrad were brutal. Zhukov and Konev, and Rokossovsky, and Vatutin were all there. Paulus, as you must know, was taken prisoner there. Thirty three divisions were captured. Hitler announced three days of mourning. It became a little easier after that, the bombings weren't as bad. Stalingrad was liberated on February 3, 1943, it was bitterly cold. The battles were so intense that Germans fought on one floor of a building, and our troops fought from a different floor of the same building.

—The same building.

The same building. I can't even relay how intensely every bit of land was fought over. So many people were killed in those battles. We had "Katyusha" rocket launchers by that point, which really helped us. At long distances, "Katyushas" destroyed everything in their path. I remember leaving Stalingrad; we were accompanying the troops who were leaving. As we were driving down the road, through a field, we saw a young soldier spread out on the ground, a crow was picking at his eyes. We stopped—we transported hospital supplies, bed linen, blankets—and removed the documents from his pockets. We wrapped him in a sheet, the driver had a shovel so we dug him a grave and put up a little sign and continued on our way.

—You worked at the hospital, and did you also go out to the battlefields to collect the wounded?

No, we didn't collect the wounded. When Stalingrad was liberated and the units advanced, we accompanied those units. We stumbled across this soldier by accident, there must have not been enough time to bury him.

Afterwards, we were transferred to the hospital in Astrakhan, to a rear hospital. I had spent six months and twenty-six days on the frontline. An order came to transfer us back to the rear. We were brought to Astrakhan, where we occupied a four story school building. We settled in. The building had very high ceilings and no elevator, which was a problem. Since all of our equipment and services—the lab, X-ray machine—were on the first floor, we had to carry the wounded on stretchers up and down four flights of stairs. I was only sixteen at the time. And we had to carry the stretches ourselves. We weren't there long, just a few months. There were many of hospitals in Astrakhan, which existed even before the war. So, an order came to Astrakhan hospitals, those already-established before the war . . . The people who worked there were locals, with children, families, parents, husbands, private apartments, some might have even had their own plots of land. The staff of this hospital was ordered to transport to Kyiv. They knew that in our hospital there were young soldiers who already fought on the front lines. Many of us were from Ukraine. They came running to us, asking us to go in their stead to Kyiv, Ukraine.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

We were happy to go particularly because many of us were indeed from Ukraine. We happily switched places with the locals; they came to work at our hospital, while we boarded cattle cars. They set up the train cars nicely for us, furnished with beds. It took us ten days to get from Astrakhan to Kyiv.

—Was this after Kyiv was liberated?

Kyiv was liberated in 1944. We passed Lake Baskunchak, where we got some salt. Salt was in scarce supply and therefore very expensive. We got some herring, because there was a lot of fish available. So, we bought that salt and herring, stuffed them into sacks and hid them under our beds. While passing through Ukraine, we fattened up. At every stop we got milk, cottage cheese, and sour cream. That was the first time we really felt full.

Upon arrival in Kyiv we were placed in a tall building on the grounds of the Polytechnic Institute, which boasted a large, beautiful park. I worked there until the start of 1945. Closer to the end of the war, the administration feared that too many people would try to remain in Kyiv because many hospitals were stationed there, and they transferred some of the hospitals to the city of Haysyn in Vinnitsa Oblast'. We didn't want to leave Kyiv. There was one nurse—the political officer had to bring two soldiers with rifles to force her out. We were still under military oath.

We were in Haysyn when we learned that the war ended. I remember that I was on call that night. Many of the wounded officers used to leave at night to be with their girlfriends. They would listen to the radio at night and heard on May 8: Victory, victory. They came running back to the hospital. We had an enforced blackout, but at this point we turned on the lights and everyone began hugging, kissing, yelling "hooray," "victory, victory!" Many were crying, saying: "We survived, we survived!" There was so much joy.

We spent another year in Haysyn. There was a kolkhoz that sponsored us. That area was plentiful. They had lot of fruits, vegetables, and potatoes, which they brought to the hospital for the wounded.

At one point there was a typhus outbreak. The doctor sent the paramedic and me to deal with it. We went door to door, checked every house. Those who were sick were immediately quarantined to the hospital. From early morning until night we visited every single household. One day, while on call, this was on the 12th day after we first began dealing with the outbreak, I fell ill. Nevertheless, I managed to finish my shift. My fever rose, and a doctor came to assess me in the dormitory. One of the side effects of typhus is a sort of forgetfulness, and sometimes I would become a little confused. The doctor asked me: "Do you know who I am?" I worked with him all the time, so I said: "How can you ask me that?" But it was true, at times I started losing contact with reality. He concluded that I had typhus and I was taken to a nearby clinic. They treated me very well. Nurses looked in and brought me meals from the hospital three times a day, because clinics didn't provide much food, and I didn't have any family who could help out.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

The hospital was closed down after a few months, and most patients were sent home to finish their recovery. Although the hospital was shut down, we were not demobilized. I was temporarily transferred to work at another hospital, for a month or two, and also transferred to another dormitory. A nurse from my previous hospital came to visit me with a young soldier in tow. She introduced him as Dora's brother. Dora was an accountant at the hospital. She asked the nurse to introduce her brother to me. She did and took off. So he and I began going out. He was on leave from Germany, where he was serving in the army, and he had come to visit his sister. His leave was coming to an end, and he said to me: "I have to go back to Germany—but I haven't been demobilized yet—but I'll tell them that you are my bride, so that they demobilize you." This was a mistake, of course: I didn't have any family to go to, and the conditions at the hospital where I was at the time were pretty decent, I could have continued living there. He said he would help settle me in Kyiv. It didn't even cross my mind to question why we would go to Kyiv if we had tickets for Germany. A few people had already been demobilized.

Our doctor was colonel of medical service. I approached him together with this soldier who said: "I'm going to marry her, I want to take her with me, I ask you to demobilize her." The colonel agreed and asked where we wanted to go. I told him that I didn't know, that I didn't have any family anywhere. I told him I'd like to go to Kyiv. He said that he had no authority to send me to Kyiv but he could direct me to the Ministry of Healthcare.

I set off for Kyiv . . . Earlier, when we had arrived in Kyiv from Astrakhan, we were housed in apartments, without needing the owners' permission. We occupied the apartments, because we were in the army, and the owners did not have the authority to refuse us. I had lived in an apartment owned by some woman and I was hoping that she would take me back when I returned to Kyiv. I was so young, so naïve, of course. I came to Kyiv with this soldier and we went to the apartment, but the woman said she didn't need any tenants. His leave was almost over; he had to board a train back to Germany, so I walked him to the train station and just stood there, with nowhere to go.

I put my things into storage and decided to go into the city. I knew a girl who worked at a pharmacy; she was demobilized before me. She found work at a pharmacy kiosk of some plant, and she was given factory housing, an apartment. She occupied the apartment with her sister and her parents who had come up from Astrakhan. I came to their house and they allowed me to stay with them for a few days.

Completely by chance, I ran into an orderly who had worked in our hospital. She was working at the Children's Infectious Disease Hospital in Kyiv. I told her that I had nothing and she said that she would recommend me for a job at her hospital. I was hired right away. I was young, a veteran, coming from another hospital and with extensive experience. I didn't have anywhere to live, so I started asking around and learned that there was an apartment with two female roommates. The owners of the apartment weren't very good people, the wife and the husband were drunks, and I don't even remember how many children they had.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

At this time a man approached me, he had noticed that I was looking for an apartment. He was a lawyer at the Podol food trading unit, which enabled him to purchase food ration cards at the market. Such cards were available for purchase at the time. He was able to buy things at the market with these cards because he worked as a lawyer for the food trading unit. He knew all the cashiers at the grocery stores. He would purchase the food ration cards and then buy groceries with them, wherever he got the better deal. He told me that if I wanted to, I could live with him and his family; he had a wife and a child. He said: "You can live with us and help us buy groceries with these ration cards since at the hospital you will have two days off a week." I went with him, showed his wife my passport and I ended up living with them for a couple of years. At first, I would come home from work, take the cards and go to Podil on a cart pulled by a horse because the public transportation worked very poorly back then. There were these carts, pulled by a horse, and five-six people would get on a wagon for five rubles per ride. My salary was very low, I had no proper clothing, I wore my greatcoat for five years in a row.

—Did you get married?

No, no. That soldier left. We just travelled together. I never lived with him, we weren't intimate. I sent him off, and he told me that he would come back and we would get married. That was it. While he was living in Haysyn we would go on dates, go dancing or to the movies, but we weren't intimate. He was respectful, not to mention that I worked with his sister, so I just took him to the train station and that was it. I didn't hear from him for two years. He didn't know my address, didn't know where to write me.

Eventually, I left the lawyer and his family. At first I helped them with the food ration cards and around the house, but ultimately I decided that the Infectious Disease Hospital was not for me. There was a Maxillofacial Hospital for war invalids, and after I spoke with the head of the hospital I was hired. I worked on the mandibular ward. At first I was a regular ward nurse, but once they saw that I was managing just fine, they promoted me to surgical nurse.

The people that I was living with were able to get me a residence permit. Obtaining one was a huge problem, but they assured me that they would help me. It took a while before I was able to obtain one. Even when the head doctor of my hospital wrote me a recommendation it didn't help. I would go to the registrar on Khreshchatyk Street and wait in long lines to no avail. After a while I was given a six-month resident permit. When the six months passed, I was required to renew my registration. Somehow I missed the deadline. When I gave the piece of paper for signature, he didn't even notice, but when I went to the next office to give the signed piece of paper to the typist, she noticed that it was expired. This meant that I had to leave within twenty-four hours. Where was I supposed to go?

—What about your mother?

When I came to Kyiv, I headed straight to Zhytomyr. This Polish woman lived in my mother's house, she

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

wasn't a very nice woman. My mother pitied her and let her in. Our house was more of a slum, but this woman had nowhere to go. The Polish woman survived and when I arrived she told me that my mother had been shot by the Germans. She said my sister was buried. I went back to Kyiv in tears.

I didn't know what to do, where to go when I was told I had 24 hours to leave Kyiv. I had no intention of leaving. The lawyer who I was living with had a friend in the police force . . . I even wrote to Khrushchev, who was in Ukraine at the time, and received a rejection from him. So, the policeman was able to submit my documents and get me a residence permit.

I grew tired of living with people, so I went to work at a different hospital which provided dormitories. However, they did not have any vacant rooms, so I begged the head doctor to just register me as though I did actually live there and, instead, I went to live with an older woman who suffered from bronchial asthma. She sometimes had episodes in the middle of the night that required administering a shot. In exchange for helping her with the shots, she took me in to her apartment on Kostelnaya Street.

My husband is also from an orphanage. He is a disabled veteran, second class. He served in the navy for five years and was always on the frontlines until he became ill. He graduated from university after the war. His sister lived in Ivano-Frankivsk. After demobilisation, he went to live with his sister. There he was able to graduate from secondary school with honors, even though he was disabled, having been wounded at the front. Once he graduated he went to Kyiv to apply to university, from where he also graduated with honors. His dormitory just happened to be on the same Kostelnaya Street . . . You could say God brought us together. We got along immediately. We started dating, he was courting me—I would be heading home from work and he would greet me with flowers. We went out to events together. However, we couldn't get married because we had nowhere to live. He was in the dormitories and I was living with that lady.

The other guy that I told you about, the brother of my co-worker came to Kyiv after two years and found me. But I no longer had any interest in him: he was headed back to Hayshyn, a small town where it was difficult to find work and accommodation, while I was a registered resident of Kyiv. Nor did he have any prospects, so I was not too keen. Not to mention that I was already dating the man who would become my husband. So, to his great dismay, I refused him.

Once my husband graduated university with a degree in Romance and Germanic languages, he got a job as a French teacher not far from Ivano-Frankivsk, in a village called Bershany. He wanted to get married, but how could we when we had nowhere to live?

I visited him once out there. He lived with his sister, where he had a small room. It was really nice out there, a river flowed nearby, a really wooded area. When I returned I decided that it didn't make any sense for me to move to Ivano-Frankivsk. It was 1953-1954, when everyone was looking for housing. No one could build or buy apartments, you weren't allowed. There were a few private houses that could be

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

bought. I met a woman who lived on Krasnoarmeiskaya Street who owned a private house. She offered lodging to different workers by renting out some of the rooms and getting them registered as official residents. Her house was scheduled for demolition. She showed me the apartment that I could have (I was technically single, not married yet). I told her I would take it and asked how much she wanted for the apartment. She said: "Twenty-four thousand." Twenty-four thousand! Can you imagine? I only had four thousand in my savings account. I told her that I didn't have enough money but didn't tell her how much I had. I told her I couldn't talk to her; I didn't have that kind of money. But she told me that she would compromise and I could pay her in installments. She was interested in me.

She knew a top official in the police force, whom she bribed to let her tenants receive their resident registration papers. She registered me as well. I only had four thousand. She told me I would have to pay fifteen thousand up front. I borrowed three thousand from the hospital assistance fund, and one of my friends from the hospital borrowed another three thousand from the same fund, on my behalf. That way I already had ten thousand. My uncle, my mother's brother, found me in Kyiv. His family was also very poor. His sister-in-law worked up north. They were professors, they had some money saved. His wife was a very kind woman, she has passed away. She borrowed from her sister five thousand, which enabled me to pay the fifteen thousand upfront. Shortly after they were supposed to demolish the house and provide me with another apartment.

I wrote to my husband and he returned to Kyiv and I got him the permit. We got married, but the authorities did not want to give him his residence registration papers, because the house was going to be demolished. They told me to go to the chief of police. I did and told him: "What's going on? You are supposed to register him regardless of the actual space because his is a disabled veteran." So he got registered and stayed in Kyiv.

A year later, this house was demolished and we—the entire family, we already had a son by then—moved into a two-room apartment, the same one we live in now. After searching for a job for a long time, my husband was hired as a senior editor in the foreign languages bureau at the Chamber of Commerce. Our son graduated from the Polytechnic, got married, and moved his family to Germany. My husband, unfortunately, is very ill right now.

—Thank you very much.

Basya Libova. Full, unedited interview, 2009ID [UKR067.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4wm13x5d>ITEM TYPE **VIDEO**

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIANCITATION **MLA***Citation information coming soon!*CITATION **APA***Citation information coming soon!*CITATION **WIKIPEDIA***Citation information coming soon!*

CONTACT

INFO@BLAVATNIKARCHIVE.ORG
212.275.4600**BLAVATNIK ARCHIVE FOUNDATION**
1633 BROADWAY AVE, 4TH FL
NEW YORK, NY 10019**BLAVATNIKARCHIVE.ORG**
FACEBOOK.COM/BLAVATNIKARCHIVE